

ЖЕНЩИНЫ ДРУГОЙ ЖИЗНИ

ДАНИИЛ ДЬЯКОВ

Даниил Дьяков

Женщины другой жизни

«Автор»

2026

Дьяков Д.

Женщины другой жизни / Д. Дьяков — «Автор», 2026

Три женщины — Саша, Оля и Ира — связаны общим местом работы и годами тихой женской дружбы. Но однажды Оля достаёт из прошлого коробку с документами, и между ними возникает общая цель: распутать запутанную комбинацию ходов, которая когда-то изменила её жизнь. Под чужим именем, в Европе, среди салонов красоты и огромных сумм, Оля оказалась внутри чужой игры. Деньги, партнёры, исчезнувший друг, поддельный паспорт — всё это возвращается, когда подруги начинают копать глубже. Они жертвуют семейным спокойствием, рискуют всем, что имеют, и вместе пытаются понять, куда ведут следы. Впереди — поездка в Англию, где они решат забрать то, что, возможно, всё ещё принадлежит Оле. Впереди — подстроенная авария, смерти близких и цена, которую придётся заплатить уже на родине. Оля запутается окончательно. И вместе с подругами пойдёт до конца — даже если этот конец окажется смертельным.

© Дьяков Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Даниил Дьяков

Женщины другой жизни

Глава 1

Август в тот год выдался особенно жарким. Казалось, солнце решило выжечь всё вокруг: пожелтевшую траву вдоль путей, деревянные лавки на перроне и даже старое здание вокзала, которое давно перестало быть кому-то нужным.

Когда я вспоминаю тот день, перед глазами всегда возникает одна и та же картина.

Ира.

В старенькой синей юбке, выцветшей светлой блузке и резиновых перчатках она молча мыла пол в зале ожидания. Делала это так же тщательно, как и всегда. Никто её не заставлял. Просто она не умела работать спустя рукава. Даже если за этот труд платили совсем небольшие деньги.

Это был её последний рабочий день.

О закрытии вокзала сообщили ещё два месяца назад. Кассу решили ликвидировать, зал ожидания закрыть, а саму станцию превратить в обычную остановочную платформу. Поезда по-прежнему будут останавливаться здесь на пару минут, но людям уже негде будет купить билет или укрыться от дождя.

Для пассажиров это была всего лишь очередная новость.

Для Иры — конец последней работы, которую она смогла найти.

Когда-то она работала воспитателем в детском саду. Любила детей, знала каждого по имени, умела успокоить самого шумного ребёнка. Но детский сад сократил ставку, а позже закрыли. Потом были поиски работы, бесконечные собеседования, обещания перезвонить и неизменное: «Место уже занято».

В маленьком посёлке вакансий почти не осталось.

Так она и оказалась на вокзале.

Шесть лет она мыла полы, окна, лавки, убирала мусор, открывала зал ожидания ранним утром и закрывала поздно вечером. Работала честно, хотя прекрасно понимала: эта работа — не предел её мечтаний, а необходимость.

Она держалась ради семьи.

Муж уже больше месяца был в рейсе. Он водил международную фуру и приезжал домой редко — иногда на три дня, иногда на неделю. Часть заработанных денег они откладывали. Мечтали, что однажды смогут выбраться из постоянной нехватки денег и начать жить спокойнее.

Но больше всего Ира переживала не за себя.

За сына.

Осенью он должен был перейти в десятый класс. В сельской школе осталось всего четыре ученика, а он мечтал стать программистом. Ира понимала, что для этого нужны хорошие учителя, компьютер, деньги на обучение. Она боялась только одного — что не сможет дать сыну шанс, которого сама когда-то была лишена.

Закончив уборку, Ира подняла тяжёлое ведро с грязной водой и вышла на перрон.

Дачный сезон был в самом разгаре. Люди возвращались домой с электричек: кто с корзинами яблок, кто с ведром огурцов, кто с букетами цветов. Пенсионеры оживлённо обсуждали урожай, дети бегали по платформе, не обращая внимания на жару.

А она медленно шла к самому краю перрона.

Туда, где всегда сливала грязную воду.

Вода с шумом растеклась между шпалами.

Ира ещё несколько секунд смотрела, как мутный поток исчезает в сером щебне.

«Вот и всё...» — мелькнуло у неё в голове.

Завтра она сюда уже не придёт.

Она медленно пошла домой, не замечая ни жары, ни людей вокруг. В голове крутилась только одна мысль:

«Что делать дальше?»

Я встретила её совершенно случайно.

Наши семьи знали друг друга много лет. Родители ещё в советское время купили дачу на этой улице, и Иру я помнила с самого детства. Она была старше меня, и тогда мы почти не общались, но всегда здоровались, если встречались летом.

В тот день я сразу поняла, что с ней что-то случилось.

Она шла медленно, опустив голову, словно несла на плечах непосильный груз.

— Ира! — окликнула я её.

Она подняла глаза и попыталась улыбнуться.

Не получилось.

— Ир, что случилось? Всё хорошо?

Она несколько секунд молчала.

Потом тихо сказала:

— Меня сократили, Саш...

И вдруг заплакала.

Я никогда раньше не видела её такой.

— Знаешь, — с трудом произнесла она, вытирая слёзы ладонью, — я никогда не боялась никакой работы. Хоть воспитателем, хоть уборщицей... Какая разница? Главное — честно заработать. Но я даже представить не могла, что однажды останусь совсем без ничего.

Она говорила медленно, словно каждое слово давалось ей с трудом.

— Денег почти нет. Спасает только огород да муж. Он месяцами в рейсах. Всё откладываем, чтобы сыну было легче жить. Он ведь хочет стать программистом... А я не знаю, как ему помочь.

Она ни разу не пожаловалась на себя.

Ни разу.

Все её мысли были только о сыне.

Я хорошо знала Иру. Она никогда не просила помощи, никогда никого не винила. Если жизнь становилась тяжелее, она просто молча работала ещё больше.

Наверное, именно поэтому в тот день мне стало особенно больно смотреть на неё.

— Приходи вечером ко мне, — сказала я. — Или лучше я сама зайду к тебе. Не всё можно обсудить посреди улицы.

Она молча кивнула.

Тогда я ещё не знала, что этот разговор изменит не только её жизнь.

Он изменит жизнь нас троих.

В тот вечер мы разговаривали долго.

Ира будто впервые за много лет позволила себе выговориться. Она рассказывала обо всём сразу: о постоянной усталости, о деньгах, которых всегда не хватало, о муже, месяцами пропадавшем в рейсах, о страхе перед будущим. Потом разговор незаметно перешёл на обычные женские темы — о возрасте, о том, как трудно оставаться сильной, когда сил почти не осталось.

Я слушала и понимала: жалость ей не нужна. Ей нужен шанс.

Я как раз работала в лицее. Это было большое учебное заведение с общежитием для иногородних учеников. Каждый жилой блок закреплялся за воспитателями: один работал днём,

двое — по ночам. Кроме них были уборщицы, завхоз, технический персонал. Жизнь там кипела с раннего утра до позднего вечера.

Совсем недавно у нас уволилась уборщица.

И вдруг я поняла, что это место может стать спасением для Иры.

— Ир, — осторожно начала я. — А если попробовать устроиться к нам?

Она удивлённо посмотрела на меня.

— К вам? В лицей?

— Да. Нам как раз нужна уборщица.

Она почти сразу покачала головой.

— Саш, ты что... Это же двадцать километров. Как я каждый день буду ездить?

— Это не такая большая проблема, как тебе сейчас кажется. С директором я поговорю сама. Мы давно работаем вместе и хорошо друг друга знаем. Если он согласится взять тебя, остальное тоже решим.

Ира долго молчала.

— Не знаю...

— Подумай хотя бы до утра.

Она тяжело вздохнула.

— Говорят, утро вечера мудренее...

Я улыбнулась.

— Вот и договорились.

Но на этом разговор не закончился.

Я давно думала о другом.

— Ир, а ты никогда не думала переехать в город?

Она сразу стала серьёзной.

— Нет.

— Почему?

— Потому что здесь мой дом.

Она произнесла это так тихо, будто боялась, что кто-то услышит.

— Здесь всё, что осталось от мамы. Я не смогу его продать.

Я знала эту историю.

Когда-то у неё была возможность переехать. Но тяжёлая болезнь матери забрала все накопления. Денег не осталось. Матери тоже не стало. А этот маленький дом превратился для Иры в единственную память о ней.

Она провела ладонью по глазам.

— Может, дом и старый... Но это всё, что у меня есть.

Я не стала спорить.

Иногда человеку нужно время, чтобы самому принять решение.

На следующее утро мы встретились снова.

Ира выглядела спокойнее.

— Я согласна, — сказала она, едва поздоровавшись. — Попробую.

Я облегчённо улыбнулась.

— Вот и отлично.

Немного помолчав, я всё-таки решилась задать вопрос, который ещё вечером вертелся у меня в голове.

— Ир... Если всё получится и ты действительно захочешь переехать... У тебя есть какие-нибудь сбережения?

Она смутилась.

— Есть.

— Много?

— Около двадцати тысяч долларов.

Я даже остановилась.

По тем временам это были очень серьёзные деньги.

— Мы откладывали почти пять лет, — тихо объяснила она. — Иногда муж привозил хорошие деньги из рейсов. Бывало, за международный рейс ему платили по две тысячи долларов. Тогда почти всю зарплату убирали в сторону. Хотели, чтобы у сына было будущее.

В её голосе звучала гордость за мужа.

Я кивнула.

— Тогда сначала устроимся на работу. А потом будем думать о квартире.

И вдруг вспомнила об Оле.

— Кстати... Оля недавно покупала дом рядом со мной. Она знает хороших риелторов. Думаю, сможет помочь.

Через несколько дней я поговорила с директором.

Он даже не стал долго раздумывать.

— Если человек готов работать, пусть приходит. Такие сотрудники сейчас на вес золота. Кадров постоянно не хватает.

Так Иру пригласили на собеседование.

Она очень волновалась.

Надела свою лучшую юбку, светлую блузку, аккуратно уложила короткие тёмные волосы и впервые за долгое время накрасила ногти.

Она старалась выглядеть красиво.

Но бедность всё равно невозможно спрятать.

Одежда была старой, хоть и идеально чистой. Лицо казалось уставшим, а морщины делали её старше своих лет.

После собеседования мы вместе прошли по лицу.

Завхоз показал фронт работы объяснила обязанности.

— Работы здесь меньше, чем на вокзале, — сказал он. — И чище. Особенно зимой.

Ира только улыбнулась.

Она прекрасно понимала, что такое настоящая грязь после снегопадов на железнодорожной станции.

По сравнению с этим лицом казался почти идеальным местом.

Именно тогда ей предстояло познакомиться с Олей.

Они уже виделись несколько раз раньше, но только мельком. Настоящего знакомства между ними ещё не было.

Пока Ира разговаривала с завхозом, Оля тихонько подошла ко мне и, оценивающе посмотрев ей вслед, прошептала:

— Саш... Где ты её откопала? Она же настоящая колхозница.

Я посмотрела на подругу и сразу поняла: сейчас придётся поставить её на место.

— Оля, — спокойно сказала я. — Если тебе что-то не нравится, можешь сама взять швабру и пойти мыть туалеты, блоки, кабинеты и наш воспитательский кабинет.

Оля подняла руки.

— Всё, всё... Молчу.

Я знала её много лет.

Она всегда любила красивую жизнь: дорогую одежду, украшения, хорошие рестораны, модные сумки. На её пальце блестело обручальное кольцо, а рядом сверкал крупный бриллиант — подарок от первого мужа.

Но при всей своей резкости Оля не была злым человеком.

Иногда ей просто требовалось немного времени, чтобы увидеть в человеке не одежду, а его самого.

Правда, на этом Оля не успокоилась.

Всю дорогу она то и дело бросала взгляд на Иру и не могла удержаться от очередного замечания.

— Саш, ну ты только посмотри на её причёску... — тихо прошептала она мне. — И юбка эта... Ей бы хоть немного современности.

Я лишь покачала головой.

— Оль, хватит.

Она сделала вид, что обиделась, но через минуту снова улыбнулась.

Такой уж она была. Всё замечала. Любила красоту, моду, дорогие вещи. Иногда её прямолинейность могла ранить человека, хотя сама Оля далеко не всегда это понимала.

Пока мы показывали Ире лицей и объясняли, как устроена работа, разговор постепенно перешёл на бытовые вопросы.

— Пока придётся ездить, — сказала Оля уже совсем другим тоном. — Двадцать километров — это не так страшно. Договоримся с директором и завхозом, чтобы иногда могли отпустить тебя пораньше или не ругали, если электричка задержится. А потом уже будем думать.

— О чём? — не поняла Ира.

— О квартире, конечно.

Ира сразу замотала головой.

— Нет, девочки... Это слишком дорого.

— Не спеши отказываться, — ответила я. — Сначала освоишься на работе. Потом посмотрим.

Оля неожиданно поддержала меня.

— И риелтора хорошего найдём. Я поспрашиваю. Когда покупала свой дом, познакомилась с нормальными людьми. Они могут помочь.

Ира благодарно улыбнулась, но было видно, что ей неудобно принимать такую заботу.

Через несколько дней, когда оформление на работу было почти закончено, Оля вдруг сказала:

— Ир, а теперь займёмся тобой.

— В каком смысле?

— В самом прямом. Тебе нужен нормальный гардероб.

Ира смутилась.

— Девочки... Вы меня извините, конечно, но я не живу так, как вы. Я не могу тратить деньги на дорогую одежду. Всё, что мы с мужем откладывали, — это будущее сына. Он для меня всегда будет на первом месте. Я — где-то на втором... а может, и на третьем.

Она произнесла это совершенно спокойно.

Без жалости к себе.

Будто так и должно быть.

Я заметила, как Оля внимательно посмотрела на неё.

Для неё такие слова были непривычными.

Оля всегда любила жить красиво. Дорогие платья, украшения, брендовые сумки, хорошие духи — всё это было частью её жизни. Она считала, что женщина должна нравиться себе и не экономить на своей внешности.

Но сейчас она молчала.

Потом тихо сказала:

— Хорошо. Тогда я отдам тебе свою одежду — у меня есть вещи, которые тебе подойдут. Я надевала их всего один раз, поэтому выбрасывать жалко. А если они помогут человеку выглядеть привлекательно и уверенно, то я только рада. Тем более мы с тобой коллеги!

Ира даже растерялась.

— Нет... Так нельзя.

— Почему?

— Потому что я не смогу тебе сразу вернуть деньги.

Оля махнула рукой.

— Когда-нибудь вернёшь. Или вообще не вернёшь. Не думай об этом.

Я знала её слишком хорошо.

Она говорила так, будто это пустяк.

Но ещё лучше я знала, что никаких денег обратно она не возьмёт.

Никогда.

В тот день я впервые увидела Олю другой.

Не ту яркую женщину, которая любила дорогие рестораны, украшения и красивые машины.

Не ту, что могла за пять минут раскритиковать чужую причёску или платье.

Передо мной сидел человек, которого неожиданно тронула чужая судьба.

Наверное, именно рассказ Иры о сыне что-то перевернул внутри неё.

Шесть лет женщина мыла полы на вокзале, экономила каждую копейку, ни разу не пожаловалась на жизнь и всё равно продолжала думать не о себе, а о будущем ребёнка.

Это невозможно было не уважать.

Позже Оля призналась мне:

— Знаешь... Я сначала подумала, что она обычная деревенская женщина. А теперь понимаю — она сильнее многих, кого я знаю.

Я только улыбнулась.

— Я же тебе говорила.

Мы с Олей дружили с самого детства. Наши родители знали друг друга ещё задолго до нашего рождения. Позже её мама переехала жить в Соединённые Штаты, а Оля уехала учиться и жить в Лондон. Но расстояние не повлияло на дружбу между нашими семьями.

Мы по-прежнему жили на одной улице, всего в нескольких домах друг от друга. Почти каждый день заходили друг к другу в гости, пили чай и подолгу разговаривали — обсуждали работу, детей и всё, что происходило в нашей жизни.

С Ирой история была другой.

Она была старше нас. Мы знали её ещё с детства, но тогда наши пути почти не пересекались. Иногда встречались летом на даче, здоровались, могли немного поговорить — не больше. С Олей они и вовсе виделись всего несколько раз.

Никто из нас тогда не мог представить, что совсем скоро мы станем почти семьёй.

Именно так началась наша дружба.

Дружба, которой предстояло пережить радость, потери, предательство и испытания, о которых в тот день мы ещё даже не подозревали.

Глава 2

Жизнь — удивительная штука. Никогда не знаешь, в какой именно день она незаметно свернёт в другую сторону.

После того как Ира устроилась работать в наш блок, прошёл почти месяц.

До первого сентября оставалось всего два дня.

Для школьников это были последние дни беззаботного лета, а для нас — настоящий аврал.

Наш блок постепенно оживал.

С самого утра в учебной комнате стоял шум. Родители привозили детей, кто-то тащил тяжёлые сумки, кто-то — коробки с вещами, а мальчишки уже успели познакомиться и громко обсуждали, кто с кем будет жить в комнате.

Ира с самого утра принимала постельное бельё на складе, раскладывала его по комнатам и отмечала, кому какой комплект выдан. Потом сразу бралась за уборку.

За месяц она изучила наш блок так, словно работала здесь много лет.

Я иногда удивлялась, как быстро она влилась в коллектив.

Не потому, что много разговаривала.

Наоборот.

Ира была из тех людей, которые сначала всё сделают, а уже потом присядут отдохнуть.

— Ира, оставь хоть что-нибудь на завтра, — улыбнулась я, проходя мимо с журналом.

Она подняла голову и улыбнулась в ответ.

— А завтра опять работы будет полно.

— Это точно.

Из комнаты воспитателей уже доносилось недовольное ворчание Оли.

— Да что ж такое...

Я сразу поняла, что снова воюет с компьютером.

Когда я вошла, она так быстро печатала, что клавиатура буквально трещала под пальцами.

— Опять завис? — спросила я.

— Не напоминай.

Она даже головы не подняла.

— Списки готовы, карточки почти закончила, родителей внесла... Осталось совсем немного, и именно сейчас он решил подумать о смысле жизни.

Я рассмеялась.

— Может, ему тоже жарко.

— Сейчас мне станет жарко.

Мы обе засмеялись.

Из коридора выглянула Светлана Александровна.

— Девочки, чего смеётесь?

— Компьютер у Оли баствует, — ответила я.

— Так он каждый год перед первым сентября баствует. Ничего нового.

Она улыбнулась и скрылась за дверью.

Светлана Александровна работала в лицее столько лет, что, казалось, помнила здесь каждого выпускника.

Она никогда не повышала голос.

Никогда не суежилась.

Но если возникала проблема, почему-то все первым делом шли именно к ней.

Через несколько минут Ира заглянула в нашу комнату.

— Можно?

— Конечно, заходи, — сказала я.

Она осторожно зашла и села на диван.

Оля наконец подняла голову.

Несколько секунд внимательно смотрела на Иру, потом довольно улыбнулась.

— Ну вот. Совсем другое дело.

Ира смутилась.

— Что такое?

— Посмотри на себя.

Ира машинально поправила воротник новой блузки.

— Всё нормально?

— Не просто нормально. Теперь ты выглядишь на свои сорок два.

Я невольно улыбнулась.

Ещё месяц назад Ира ходила в старенькой юбке и выцветшей кофте. Сейчас на ней были светлые брюки, аккуратная блузка нежно-голубого цвета и лёгкий жакет.

Ничего дорогого.

Но всё было подобрано со вкусом.

Даже причёска стала другой.

Оля всё-таки затащила её к своему парикмахеру.

— Спасибо, конечно, — тихо сказала Ира. — Но мне до сих пор неудобно.

— Что неудобно?

— Что ты столько денег на меня потратила.

Оля только махнула рукой.

— Перестань. Просто у тебя не было человека, который помог бы тебе со стилем. Твои вещи тебе не очень идут, ты только не обижайся.

— Я серьёзно. Я всё верну.

— Даже не думай.

— Но...

— Ира.

Она впервые сказала это таким тоном, что спорить было невозможно.

— Деньги ещё заработаются.

Наступило молчание.

Ира опустила глаза.

— Я не привыкла, чтобы мне вот так помогали.

Оля на секунду стала серьёзной.

— Тогда привыкай.

Потому что теперь ты своя.

Я посмотрела на них и вдруг поймала себя на мысли, что всего месяц назад они почти не знали друг друга.

Теперь казалось, будто знакомы всю жизнь.

В этот момент дверь открылась без стука.

На пороге появилась Елена Васильевна.

Она медленно оглядела комнату.

— Чай пьём?

Никто не ответил.

Она перевела взгляд на Иру.

— Уважаемая Ирина... — начала Елена Васильевна, даже не пытаясь скрыть недовольство. — Простите, а как вас по отчеству?

— Александровна, — спокойно ответила Оля, прежде чем Ира успела что-либо сказать.

Елена Васильевна посмотрела на Олю с лёгким раздражением, будто ей уже не понравилось, что та вмешалась.

— Вот именно. Ирина Александровна, вам не кажется, что вы здесь зря сидите? Вы только пришли, а уже успели оставить после себя беспорядок. В коридоре ужасные разводы от воды. В туалете — то же самое. Вы считаете, это нормально? Только начали работать — и уже халтура.

Ира заметно смутилась. Она открыла рот, чтобы объяснить, что всё убрала, но Оля уже поднялась со своего места.

— Елена Васильевна, всё убрано. Я сама проверяла.

Я тоже проверила.

— Значит, у нас разные представления о чистоте, — спокойно ответила Оля. — Если вам что-то не нравится, в кладовой стоит ведро и лежит тряпка. Можете показать Ирине, как, по-вашему, должно быть.

В комнате стало тихо.

Ира опустила глаза. Она явно не ожидала, что обычное замечание из-за уборки за несколько секунд превратится в спор.

Елена Васильевна медленно повернулась к Оле.

— Ольга Владимировна, вам не кажется, что вы слишком много стали себе позволять?

Оля ничего не ответила.

— Мало того, что своих подружек в коллектив приводите, — продолжила Елена Васильевна, — так ещё и устраиваете им жизнь. А теперь, получается, ещё и закрываете глаза на халтуру.

— Я никому не устраиваю жизнь, — спокойно сказала Оля. — Ира прекрасно справляется со своими обязанностями.

— Конечно. Вы ведь теперь за всех отвечаете?

— Нет. Я просто не люблю, когда человека обвиняют в том, чего он не делал.

Елена Васильевна усмехнулась.

— Вас там, в вашем Лондоне, так учили?

Оля замерла.

Это произошло всего на секунду, но я заметила.

До этого она стояла спокойно, почти расслабленно. Но после слова «Лондон» её лицо изменилось. Взгляд стал жёстким, губы сжались, а рука, лежавшая на столе, медленно сжалась в кулак.

Для остальных это могло показаться обычной колкостью.

Для меня — нет.

Я знала, что за этим словом стояло.

Лондон был закрытой страницей её жизни. Страницей, которую Оля не любила вспоминать и тем более обсуждать на работе. О её первом муже, Европе, той жизни и событиях, после которых она вернулась домой, знали только я и её мама.

По крайней мере, так Оля думала.

Но однажды мы допустили ошибку.

Мы разговаривали о её прошлом, о деньгах, ресторанах, дорогих вещах и каких-то совершенно незначительных деталях той жизни. Оля рассказывала мне то, что обычно не рассказывала никому. Она была уверена, что дверь закрыта и нас никто не слышит.

Но Елена Васильевна в тот момент оказалась возле кабинета.

Она услышала достаточно.

С тех пор Лондон стал для неё удобной кнопкой, на которую можно было нажать в любой момент.

И сейчас она нажала именно на неё.

Оля медленно подняла глаза.

— Елена Васильевна, моя жизнь вас не касается.

— Да я просто спросила.

— Нет. Вы не спрашивали. Вы пытаетесь меня задеть.

— Господи, какая вы серьёзная, — усмехнулась Елена Васильевна. — Сразу Лондон вспомнили?

— И впредь я очень прошу вас не сравнивать мою прошлую жизнь с моей работой здесь.

Елена Васильевна прищурилась.

— Да уж. С такими кадрами, Ольга Владимировна, вы далеко не уплывёте.

Оля ничего не ответила.

— Вы как «Титаник», — продолжила Елена Васильевна с неприятной улыбкой. — Сначала красиво плывёте, а потом обязательно на дно пойдёте.

На несколько секунд повисла тишина.

Я уже понимала, что ещё одно слово — и разговор окончательно превратится в скандал.

Но Оля только медленно выдохнула.

Елена Васильевна резко развернулась и вышла из кабинета.

Дверь закрылась.

Несколько секунд никто не двигался.

Ира тихо выдохнула:

— Это всегда так?..

Оля села обратно, взяла очки и спокойно сказала:

— Нет. Сегодня она была почти вежливая.

Светлана Александровна хмыкнула.

— Значит, день удался.

Я, если честно, тоже не любила с ней общаться. Она была... тяжёлая. Неправильная какая-то, вечно с претензией ко всем и ко всему. Но директор только разводила руками:

— Увы, девочки, мы не выбираем, с кем работаем. Уволить я её не могу — нарушений нет. А дальше уже сами разбирайтесь, вы же коллектив.

Вот так и жили. Баланс отношений каждый выстраивал как умел.

Оля сначала злилась, потом просто смирилась и работала дальше. Но видно было — внутри она всё равно с ней воюет.

Елена Васильевна была непростая. Любила высказываться, будто её мнение — единственно правильное.

Однажды у нас с ней тоже случился серьёзный разговор. Она заявила, что я, как классный руководитель, «ужасная».

Я тогда не выдержала:

— Почему ужасная?

— Потому что ты класс построить не можешь, — сказала она. — А я ночами должна за детьми следить. Я не могу даже прилечь.

— Вы ночной воспитатель, — ответила я спокойно. — Ваша задача дежурить, а не спать.

Со Светланой Александровной таких конфликтов не возникало. Её дети любили и уважали, она умела держать спокойствие.

Но и ей доставалось.

— Вот вы, Светлана Александровна, спите ночью, а я не могу, — язвила Елена Васильевна. — В чём ваш секрет? Вы что, выпиваете и засыпаете?

Светлана Александровна только мягко улыбалась:

— Да нет никакого секрета, Леночка. Бывает, и у меня бессонные ночи. Просто я не делаю из этого трагедию.

Елена Васильевна от этого только ещё сильнее раздражалась.

— С этими детьми и их родителями я больше не могу работать, — однажды бросила она.
— Если бы можно было, я бы вообще улетела отсюда на другую планету.

— Летите, — спокойно ответила Оля. — Таких, как вы, мы не держим.

И снова вспыхнул конфликт.

Я не выдержала:

— Девочки, хватит. Не устраивайте цирк.

К концу дня Ира уже всё убрала, разложила постельное бельё, проверила комнаты. Работы было много — перед первым сентября блок жил в режиме постоянного аврала.

Но она не жаловалась. Наоборот — будто даже не уставала.

— Ира, ты хоть присядь, — сказала я ей как-то.

— Потом, — ответила она. — Завтра снова будет работа.

И так каждый день.

Дома меня встретил Дима. Он, как обычно, сидел за компьютером — дописывал лекции, готовился к занятиям.

Мы ужинали вместе, и я рассказывала ему про день.

— Как Ира? — спросил он, убирая тарелки. — Осваивается?

— Осваивается, — кивнула я. — Но в шоке от нашего коллектива. Особенно от Елены Васильевны.

Дима усмехнулся:

— Главное, чтобы её не отпугнули. Девка-то нормальная.

— Она сильная, — согласилась я. — Но всё равно тяжело ей тут.

Потом разговор плавно перешёл к жилью.

— Может, правда помочь ей с квартирой? — задумчиво сказал он. — Если есть вариант...

Я вздохнула:

— Оля уже риелтора подключала, но там всё дорого.

— А вот тут рядом есть дом, — вспомнил Дима. — Новый, лет шесть как построили. Там двушка продаётся. Даже трёшка, если честно — кухня с залом объединены.

— Сколько?

— Около девятнадцати тысяч. С мебелью частично.

Я задумалась. Идея показалась слишком реальной, чтобы её игнорировать.

Мы нашли объявление, посмотрели, и я переслала ссылку Ире.

Ответ пришёл не сразу.

«Я не могу сама купить квартиру. Мне нужно обсудить с мужем. Он принимает решения в семье. Если решим — купим вместе.»

Я даже вздохнула, читая это.

Через некоторое время она всё же позвонила. Мы говорили долго — почти час. Я параллельно готовила ужин, дети бегали по дому, Дима что-то печатал за столом.

И где-то между делом я вдруг сказала:

— А может, её сына к нам в лицей?

— Почему нет, — спокойно ответил Ира. — Разумно.

У нас как раз был недобор на физмате.

Я позвонила директору.

Директор согласилась почти сразу:

— Берём. Но документы — завтра.

Я снова набрала Иру.

— Завтра приносишь документы.

Она замолчала на секунду, потом тихо сказала:

— Хорошо.

И уже позже добавила:

— Только... пусть никто не знает, что я его мама. На работе.

Я не стала спорить.

— Как скажешь.

Вечером мы с Олей встретились на веранде.

Сад, тёплый воздух, лёгкое вино.

— Она опять сегодня выступала, — сказала Оля про Елену Васильевну.

— Она всегда выступает, — усмехнулась я. — Это её стабильность.

Оля покачала головой:

— Иногда хочется ей просто показать границы.

— Не трать силы, — ответила я. — Она всё равно не изменится.

Оля посмотрела в сторону сада:

— Возможно.

И впервые за вечер улыбнулась спокойно.

— Ладно. Главное, чтобы Иру не сломали.

— Не сломают, — сказала я. — Она не такая.

В доме зажёгся свет.

Муж Оли, Игорь, вернулся из командировки поздно вечером. Он тоже работал в том же университете, что и Дима, и иногда казалось, что весь наш маленький мир давно связан невидимыми нитями — через кафедры, лекции, общие коридоры и случайные разговоры за чашкой кофе.

Я тогда часто ловила себя на странной мысли: люди в этой жизни пересекаются не случайно. Кто-то приходит вовремя, кто-то задерживается, а кто-то — будто специально во

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.